

Бодякина Екатерина Романовна

г. Москва

ГБОУ школа № 1527 10 класс

Рег. № 3088

Ак

ТЕТРАДЬ

для _____

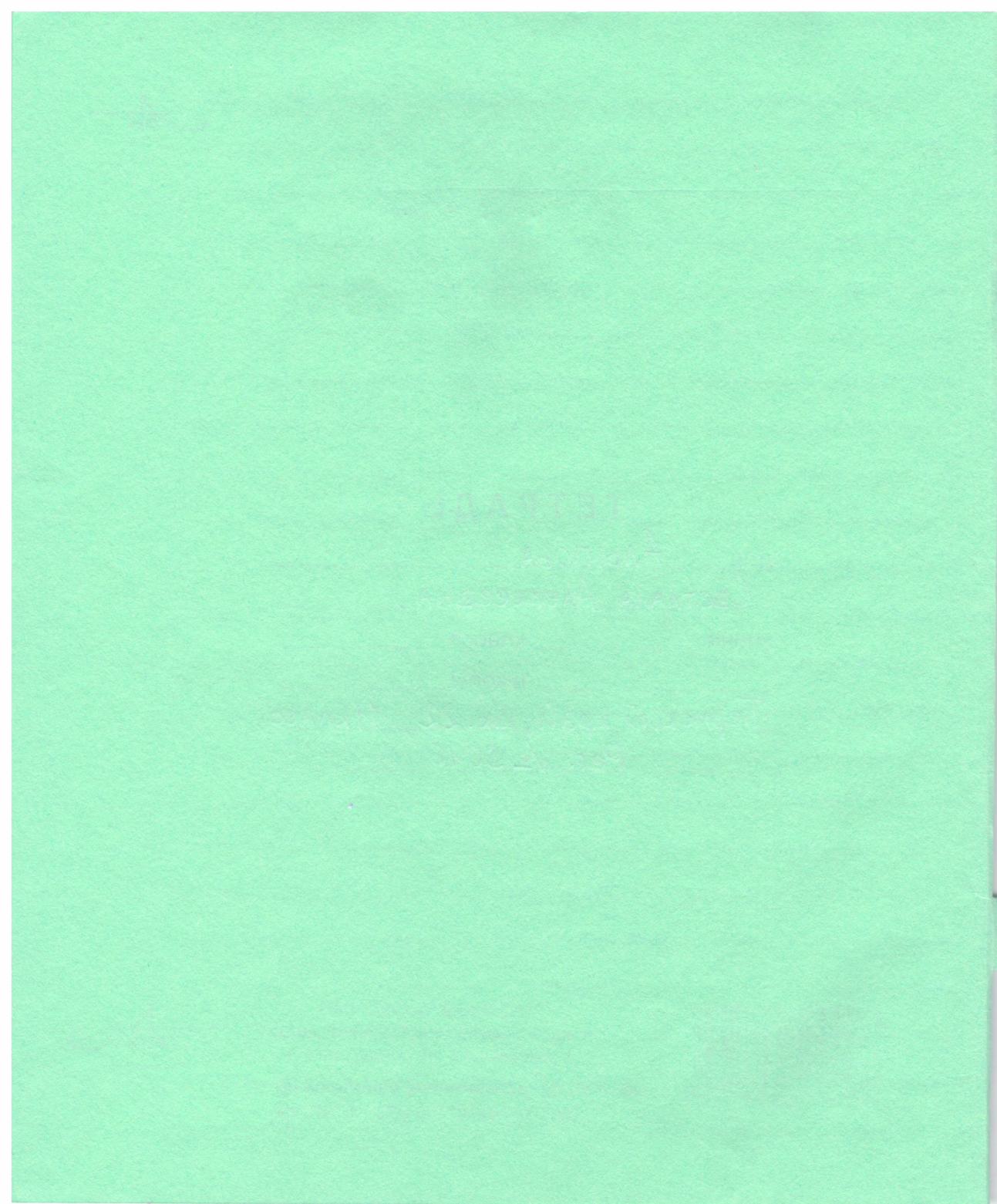
учени _____ класса _____

школы _____

Бюход: 12²⁴ - 12²⁷

Наг/

51695

Частичный анализ прозаического текста („Пассандр“ В. Набокова)

Каковы взаимоотношения между письменной и литературными творчествами? Казалось бы, ответ на этот вопрос прост: почти все поэты и писатели берут вдохновение для своих произведений из жизни. Так Ф. М. Достоевский, проживая в Петербурге в районе Глениной площади, каждый день видя умасленное существование людей, пешее уединение ряда с компаниами-«граблями», пьяные и дразнильщики, наблюдавшие внешности из трактиров пьяничили ~~беседками~~, бедняками, решает написать повесть „Белые ночи“, которая затем перерастает в грандиозный роман „Преступление и наказание“. Жизнь подбрасывает интересные идеи, совершило случайно ставит писателя с неоднократными людьми, судьба которых вдохновляет автора на создание своих произведений. Так Ильинов встретил однажды на охоте удивительного человека, ставшего прототипом Андрея Соколова в его рассказе „Судьба человека“. Но так ли просто заставить неоднократную жизнь со всеми её превращениями в строчки литературных романов? Возможна ли передать литературными звуками все её краски, все неописанные повороты фортуны, все звуки, запахи, губства, ощущения?... А герой письма бывает ярой и скучной, возбуждающей, многообещающей начало письменной истории разрешается самими непривычным и даже драматичным образом. Что же делать писателю? как вырваться из заколдованного круга? Признать же письменного „авторские права“ или „пушить“, перекраивать письменный роман на свой лад? Именно вокруг этой проблемы завязывается конфликт в рассказе В. Набокова „Пассандр“.

Боль

Вопрос этот для Набокова ^{был} актуален, ведь он является не только писателем, но и литературоведом, читал для американской аудитории лекции по русской литературе, пытаясь возвратить свое отношение к «Отцам и детям» Тургенева, «Преступлению и наказанию» Достоевского, «Мертвым душам» Гоголя, несмотря на то, что пропускал приуроченный этап критика. Год написания рассказа также не случайен. Конец XIX-^{начало XX века} - время литературных исканий, новых направлений и течений в которое остро^{стал} вопрос о дальнейших путях развития литературы.

Итак, обращаясь к титлу самого рассказа, очень интересного по своей композиционной структуре. Повествование начинается с диалога некого писателя с критиком, служащим, ^{скорее всего} за столиком в коридоре. Этот диалог выступает в роли своеобразной экспозиции, где уже подразумевается основная проблема текста. А далее следует «рассказ в рассказе», имеющий собственную завязку, развитие действий, кульминацию и развязку и иллюстрирующий данную проблему, лишь писателя-философа. Окончание разговора писателя и критика является заключением, в котором открыта основная идея автора, ~~вспоминаясь~~ в устах безымянного писателя. Такой образец, тот получаем рассказ, обратившийся диалогом писателя и критика, - структура ^{занимательная} и интересная.

Возвращаясь же обратно к бездумущим героям рассказа... Да, письма «заняли нас», - возражает писатель, взволнованно постукивая пальцами. Его разда - своеобразной ткни, утверждение, очевидное и спорное одновременно, представляющее собой поле для догадок и различий. Так, в сущ-

ности, начинается когда бедра: один из юбочных ~~шарфов~~^{зеву гибает} увлекаю-
щую тему для разговора. Но в этом рассказе друга писателя - не своевремен-
ная находка скучающего человека. В ходе ~~некоторой~~^{автор} бедра, а ~~всего~~^{зеву}, централь-
ная часть, критик шуткой и умной ~~шарфом~~^{зевом} открытие раскрытия
писателя. Стоит отметить, что образ критика тихий, динамичный;
но портрет, хотя и дан не полно, отражает его Внутренний мир. Но
он самое нелегко сказать о писателе. Он как будто скрыт от паникающих
дышло, лишь слышимо его тихие вздохи. Надолго изображает так своих
членов не случайно. Такого критика-меньшего и доброго, просто и немного занески-
вашающего, интересно поглядывающего своим... тонкими, подвижными паль-
цами - можно было встретить легко в литературных кругах, потому, что
он былорук, не видано ли это о том, что он не видит всей панорамы жизни,
не хотят понимать авторскую задачу, видя чудесу проблем писателя, скучаю-
щего постигнуть «записей письмы» и отразить его в своих произведениях?...
А писатель - человек не от мира сего, задающий себе философские вопросы и
однажды попытавший на них ответов, отрекнувшись развидеться, совер-
шил превращение ~~на~~^{от себя} на свой творческий путь. Поэтому мы не видим лицо
писателя, лишь его рассеянные движения и, в конце разрывания, из запущенных
паникоса* видают темные думы, беспокойство. К тому же, писатель
здесь - образ ^{автор} «собирательный» (как и критик), ибо кому ~~зевом~~^{зевом}, если он хо-
чет стать действителю увлечениями, приключениями, совершившим в своей
творчестве (хотя все мы знаем, что нет предела совершенству), рукою эпохи,
народа, а, может быть, и чем-то большими, должны однажды доказать эти

бессониц.

Продолжая свою речь, писатель замечает, что литераторов посредственность (к которой он и сам себя относит и корчит себе) в угоду массам уменьшает таланты письма до неизвестности, раздавливает их своим собственным видулишем, предирая "размашистость", "неровность" её творчества, "переливность" её языка. Но не в этом ли грех письма? Её романы, "свободнические", а переливность и неровность придают им особый шарм. Затем же ковыряет письменные истории, делать из них аккуратные рассказчики (здесь входит ирония и презрение), торе письмы превращают в аккуратной группе, блещущий чистотой, будто и дружков письма? К сожалению, люди всё чаще идут по такому пути (как, например, Беликов - "человек в фруктах"; бывшийся письми и всю в ней, почувствовавший ограничить свою письмо, судить письменные работы еще больше).

Наконец, писатель рассказывает о себе из своей письмы, причём рассказывает так, будто тотчас обнаружася записать его и создать "аккуратный рассказчик" (что лучше, чем "повесть из письми Вагонных уборщицу" - ирония самого Набокова). Вот он, - этот старик, хорошо вам известной прошлой. Среди ног я виданно проснулся". Впрочем, дальше следует как-то подведение. Очень интересно описание ноги - "невероятного пассажира", парящего изображающее всевозможными таинственными, страшными деталями: "крупная", "уродливая" нога в "чубуки пестром костюме, прорезвившим шикавшим костюм большого пальца". Затем ~~старик~~ нога описывается еще более подробно, становясь "прекрасной", "пестрой, такой яркой", производит какое-то впечатление.

что описание как будто было из детективного рассказа или романа (стоит только вспомнить умаслое лицо и руки злодея из уичла рассказов А. Конан-Дойля про Шерлока Холмса - профессора Мориарти), а также, ленивый помощник. Верхней юбки, талию которой ощущают ~~такой~~ герой, - своеобразная реликвия, which из рассказа Уилки Коллинза об умаслое кровати, зловившейся спящими прессом - орудием убийства). Не случайно в дальнейшем писатель будет вспоминать о том, какой бы чудесный короткий рассказ получился у него... А пока ещё одна ванильная деталь, описанная очень подробно - рождение пассажира, похожее то на удушье, то на сглатка водичкой, то на всхлипывание и каштанье, то на ~~такое~~ хватание. Рождение перевевалось какими-то словечками. Эта деталь еще раз отсылает читателя к детективному жанру, добавляет образу "известного пассажира" страшной таинственности, когда в поезде шумят преступника, подсовывают и спасают - образ-клише (красивый, крупный, награждено. В котелке, с интересными ружинами истадами). И вот тут-то, когда евычик будит ногами гостя, не тешащегося поворачиваться, наступает кульминационный момент. Писатель "стало не по себе", он отворачивается и прислушивается, отыскивая драматической развязки... Но человек со страшными рождением-стомачи, с недобрыми ногами и смешавшими нуршамутром" никогда оказывается ~~таким~~ ~~таким~~ ~~таким~~ никаким не убийцей, а самым обычным пассажиром! А как было бы величально, ~~с~~ с точки зрения писателя, если бы пассажир оказался убийцей! Как он подогнал под заданное рамки образа и как всё это произошедшее замечательно пересекло бы в литературисте произведение!... Образу ванильные

ти же и на то, как седе вели герой во время рассказа. Критик, как и до него —
человеку его рода занятий, внимательно слушал и переслушивал (по вопросам
подчеркивавшим два основных момента — описание ночи и описание рождения).
А писатель, как и свойствено писателю, распространялся про пейзаж, не
каочущий в окне поезда, будто уже включая и то в контекст будущего рассказа
жн.

После истории, рассужданий писателя, завершается непредставимый
конспект. Писатель — литератор чью задачу не совершенной — всё не ~~закончил~~
(и это было понятно уже по первой его речице), что «записал письме, боя и в
этот альбом, как и всегда, стократ великолепнее», что записал автора,
связанной с детективной развязкой. Однако критик считает, что писатель писа-
тель (также естественная развязка) отвечал ошибочно, это не надо удивляться;
нельзя терять такой хороший момент — лучше дописывать, выдумывать и
создать шедевр, акуратный — рассказчик. Критик видит в этом виновное право
слова. Но он оказывается слеп, не видит из рассказа писателя самого главного.
Жизнь «не задумывает» простых сюжетов (у него умные ночи, таинствен-
ные рождения, значит, он убийца), а «имеет в виду» нечто куда более
тихое, глубокое. Это глубокое заключалось в тайне рождения пассажира,
который никогда не будет раскрыта; тайна эта и пугает писателя, в
тайне этой и красится вся письменная загадка, задумка, запись. Знать
пишарь и сама является писателем, в книге истории которой чьё либо
непрочитанных страниц с изображениями сделали... Но критик будто и не
слушает писателя, «заступаясь за слово»; придумывает и родство писа-

тица бланкное, но зато разумное и аккуратное разрешение, которое он называет "зркии" (хотя это вовсе не так). Намечательно, что писатель пишет не говорит В отрыве критике. Поэтому, так он отвечает вопрос оторванным, не пытаясь бросить перед единомицей, делит она теми скровенными и вспомнила, что родилась В его душе и остается там, Писатель лишь хочет наполнить романчу собеседника, на что тот решительно отказывается. С одной стороны, Набоков возвращает читателя от проблем свадьбы литературы и жизни, от высоких мастерий и философских вопросов к обиденным вещам. С другой стороны, здесь можно ^{ко} увидеть скромный подтекст: критику "достаточно" таких разговоров, беседа окончилась, и писатель остается при своей линии.

Стоит упомянуть о средствах художественной выразительности, используемых Набоковым для украшения своего рассказа, создания колорита, звуковых, запоминающихся образов. Во-первых, это ^{тропы} : этикетка ("прекрасной машиной", "небород кота", "участие плававшего поезда", "солнечем испытуемое бриллианты и т.д.), метафоры (^{мета} . фиолетовая шинка подвязки"), сравнение ("спички, похожий на буквы"), апичетворение ("берёзы расселились", "пропахала фабрика", "шоколад окликнул" - создается удивительная картина; будто не поезд движется, а здание деревья, обвязанные на плакатах проходит мимо ширбона ("макушку изгороди") него; "засияла хвостами дорога"), градации ("труд с рогами"). Во-вторых, это стилистические фигуры: ирония, скрупулезные (графичный корпус, стихи, трубки...), подчеркивают особенную странность речи автора: помимо звукоподражание ("хахакающий звук"). Автор также использует знаки препинания очень активно, чтобы создать звуковую "живой" речи, передать импуль-

что проёб, их чувства, перенимавших (. Или же она производит такие
такие... куда нам до неё! её произведения непереводимы, непередаваемы...
и т.д.)

Чтак, вернувшись в заключении к основной идеи автора, чтобы написать
рассказа. Наверное, на главную идею указывая не только речики писателя
(ибо он является выразителем мыслей автора), но и название рассказа, во
многом символичное. Писатель в этом произведении - как сама музыка.
Мы тут от него-то чудесного, загадочного, драматического, ~~а да~~
~~оканчивается сашкин~~ обычковеннички. Так и музыка бывает часто не
такой, какой её описание увидеть. Поэтому не стоит «зацикль»-
нический способ, «возвращающий» его позиции, стоящие на противоположную, неуважаю-
щую, первоначальность. Надо взглянуть в него поближе, принять его
такими, какими он есть, признать музыкальные «авторские права», и тогда,
возможно, Вам откроется скрытый музыкальный замысел, неизвестный
далее школьнику (это и писатель познал-то рано... Значит, корни этой
истории гораздо глубже, чем просто балтовое убийство...). Этот ювелир
Набокова касается не только литературного творчества, но и самых обычных
людей, к литературе не имеющих отношения. Музыка напоминает нас! Не
стоит пытаться обхитрить, измешать её, открыть её ^{свои спрятанные} тайны! Музыкальный
замысел открывается только наблюдательному, стремящемуся к знанию,
сторожевому мозгу (а в частности, писателю и познанию). Всех ^{из}
пишателей, ~~а~~ бьёт сокрушает эта музыка, подходит к концу очень тщательно,
использованы вниманием, но приходит при этом, что музыка - писатель со-

разго более толстомий, авторские права которого нарушают певца. Всегда же
постоянно
~~запись~~ именно эти отыгрываются многие тиражные записи...

K₁ 19

K₂ 10

K₃ 7

K₄ 8

K₅ 4

Сумма: 48

В работе при выборе ритмов имеет значение, какое время структура
такта, чтобы определить ритмов пропорции друг, не изб.
работающее расчленение времени и времени. Однако
изучавшееся вспомогательное вспомогательное -
такие нормы числовые и Кельвина приходит к
антидраматической ошибке, начинаясь по-настоящему
изучено человеческую речь.

Нууц
Дж